

**К ВОПРОСУ ОБ АВТОРСТВЕ МАНУСКРИПТА №5391, ХРА-
НЯЩЕГОСЯ В ФОНДАХ НАЦИОНАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ
ФРАНЦИИ**

Аннотация: Манускрипт №5391, хранящийся в фондах Национальной библиотеки Франции, более известен под названием «Нормандская хроника Пьера Кошона». Основная часть этого источника посвящена событиям Столетней войны и истории Нормандии. До сих пор считалось, что вся рукопись была написана одним автором, Пьером Кошоном, который исполнял должность апостольского нотариуса и священника в церковном суде Руана (ок. 1425 – ок. 1442). Однако в данной статье на основе палеографического и текстологического анализа доказывается, что первая и наибольшая часть манускрипта (fol. 1r – 88r) была написана другим автором, который, вероятно, был старшим современником, земляком и сослуживцем Пьера Кошона. Доведя повествование до событий осени 1424 г., этот анонимный автор по неизвестным причинам прервал свою работу. Его продолжателем с 1425 г. стал Пьер Кошон, который написал заключительную часть манускрипта (fol. 88v – 97r), доведя заметки до событий лета 1433 г.

Ключевые слова: Столетняя война, историописание, Пьер Кошон, история средневековой Нормандии, судебный процесс Жанны д'Арк

Об авторе: Михаил Владимирович Аникиев, научный сотрудник Русской Христианской Гуманитарной Академии. 197372, Санкт-Петербург, ул. Камышовая, д. 16, кв. 81. anikiev1038@gmail.com

Данная статья посвящена рукописному нарративному источнику, который был создан в эпоху Столетней войны, в первой трети XV в., в столице Нормандии городе Руане. Два основных раздела этой рукописи имеют вид исторических заметок, в которых освещается, главным образом, военное противостояние Франции и Англии за период времени с 1108 по 1433 гг., а также события руанской истории, происходившие с 1371 по 1424 гг. В третьей четверти XIX столетия французские историки-архивисты Огюст Валле де Виривиль и Шарль де Робийяр де Борепэр опубликовали эти тексты в двух разных изданиях под

следующими названиями: «Нормандская хроника» и «Руанская хроника»¹ (нужно отметить, что в самом манускрипте таких названий нет и даже слово «хроника» ни разу не встречается). В своих предисловиях к публикуемым текстам оба исследователя придерживались мнения, что весь манускрипт был написан рукой одного автора, а именно Пьера Кошона (род. ок. 1390 г. – ум. в нач. 1456 г.), апостольского нотариуса, работавшего в церковном суде Руана в период английской оккупации². Эта точка зрения быстро утвердилась в научной среде и не подвергалась сомнению вплоть до настоящего времени. В разных монографиях, статьях и историографических справочниках сообщается об авторстве Пьера Кошона как об установленном факте, который не нуждается в дополнительной проверке³. Однако, по моему убеждению, даже относительно поверхностный анализ оригинального текста позволяет прийти к выводу, что Пьер Кошон является автором лишь заключительной части манускрипта, составляющей менее 10% от всего текстового объема. Я полагаю, что наибольшая часть манускрипта была написана каким-то старшим коллегой и земляком Пьера Кошона, который, как и он, был родом из нормандской земли Ко (pays de Caux) и входил в профессиональную корпорацию руанских церковных нотариусов – так называемое братство Святого Марка. Этот автор,

¹ [2:363-468; 3].

² [2:341-362; 3:I-XXXIX].

³ См., например: *Molinier, Auguste*. Les sources de l'histoire de France des origines aux guerres d'Italie (1494). Paris, 1901–1906. T. 4. P. 251–252, n. 4144-4145; *Lardin, Philippe*. Pierre Cochon, un normand «bourguignon» de la première moitié du XVe siècle // Texte et Contexte. Littérature et Histoire de l'Europe médiévale. Éd. Marie-Françoise Alamichel et Robert Braid. Paris, Houdiard, 2011. P. 397–408; *Henrard, Nadine*. Des «Récits du ménestrel de Reims» à la «Chronique normande» de Pierre Cochon. Un progrès dans l'écriture de l'histoire? // Les lettres romanes. Tome LIII – №1-2. Université Catholique de Louvain, 1999. P. 3-12; *Tyl-Labory, Gillette*. «Pierre Cochon» // Dictionnaire des lettres françaises: le Moyen Âge. Éd. Geneviève Hasenohr et Michel Zink. Paris, Fayard, 1992. P. 1168-1169.

имени которого пока невозможно установить, довёл повествование до событий 1424 г. и по неизвестным причинам прекратил свою работу. Его продолжателем в 1425 г. стал Пьер Кошон, который, хотя и со значительными перерывами, вёл записи следующие восемь лет и окончательно оставил это занятие в 1433 г.

Таковы мои основные выводы, которые я собираюсь обосновать в этой статье. Однако, прежде чем я приведу соответствующую аргументацию, будет не лишним дать общую характеристику рассматриваемому источнику и пояснить, что собой представляет его «материальный носитель», как складывалась его владельческая история и какова его внутренняя структура. Кроме того, в заключение статьи я кратко остановлюсь на том, как этот источник был введён в научный оборот, и попытаюсь ответить на вопрос, почему французские историки-архивисты XIX в. допустили ошибку в определении его авторства. При этом я должен предупредить, что многие мои выводы будут носить предварительный, гипотетический характер, так как, не имея возможности работать непосредственно с оригинальным текстом манускрипта, я исследовал его чёрно-белую цифровую фотокопию, представленную на электронном сайте Национальной библиотеки Франции [1].

Источник, о котором идёт речь, дошёл до нас лишь в одном-единственном списке, и есть все основания полагать, что это – уникальный авторский экземпляр, с которого вплоть до XIX в. не выполнялось никаких копий. Вся рукопись состоит из плотных бумажных листов, пронумерованных латиницей⁴ лишь

⁴ На всех листах манускрипта уже в эпоху Нового времени была представлена фактическая нумерация арабскими цифрами (от «1» до «95»). Однако я в своей статье, указывая номер того или иного листа арабскими цифрами, буду иметь в виду изначальную латинскую нумерацию. Так, например, код [1:72r] будет означать лицевую сторону листа под номером «lxxij.», а код [1:72v] – его обратную сторону. Для

на лицевой стороне (recto)⁵. По всей видимости, изначально в ней было 98 листов, однако тот, кто выставлял нумерацию, сбился со счёта и пометил два листа в середине рукописи одинаковым номером «52», вследствие чего последний лист имеет номер «97», а не «98». В дальнейшем листы под номерами «5», «10» и «95» были утрачены при неизвестных обстоятельствах⁶, поэтому фактическое количество листов на данный момент равняется 95-ти. Каждый лист помечен филигранью в виде головы быка, получившей широкое распространение в XV в. Все листы фолианта имеют одинаковый формат: 29 см в высоту и 21 см в ширину, но очевидно, что их исходный формат был более значительным, ибо впоследствии, когда рукопись заключали в переплёт, обтрепавшиеся края листов были обрезаны (вероятно, это случилось уже в эпоху Нового времени). В результате знаки нумерации и маргиналии на некоторых листах оказались сильно усечены или полностью исчезли⁷.

Если говорить о **владельческой истории манускрипта**, то известно, что в начале XVI века он принадлежал знатному нормандскому дворянину Николя Дюкенэ, который оставил свою подпись на втором листе манускрипта [1:2r]. Позднее, уже в середине XVI в., манускрипт стал собственностью Жана ле

удобства читателя эти указания на текст оригинала часто будут сопровождаться ссылками на соответствующие места в печатном издании Шарля де Робийера де Бореппэра [3].

⁵ Валле де Виривиль замечает, что подобная (односторонняя) нумерация листов была обычной для нотариальных регистров XV в. [2:356].

⁶ Нельзя исключать, что номер «95» никогда не существовал, так как автор рукописи мог, по рассеянности, пропустить его, когда выставлял нумерацию. В пользу этого говорит отсутствие разрыва в повествовании между оборотной стороной листа 94-го и лицевой стороной листа 96-го [1:94v-96r]. Возможно также, что лист с номером «95» существовал изначально, но был утерян к тому моменту, когда второй автор манускрипта (П. Кошон) заполнил текстом лист 94-й. Не заметив пропавшего листа 95-го или не посчитав нужным её восполнить, он сразу перешёл на лист 96-й.

⁷ См., например: [1:24r, 28r, 53r, 54r, 55r].

Ферона, известного парижского адвоката и геральдиста, в библиотеке которого было собрано большое количество рукописей XV в. Жан ле Ферон оставил на страницах манускрипта много межстрочных пометок, маргиналий и выписок. Затем, в XVII в., манускрипт пополнил книжное собрание Жана-Батиста Кольбера, и, наконец, после Великой французской революции оказался в фондах Национальной библиотеки Франции. Там он и хранится по сей день под номером 5391.

Теперь следует дать предварительную, самую общую характеристику стилей письма, которые прослеживаются в текстах манускрипта. Если не брать в расчёт различные пометки и приписки, сделанные владельцами манускрипта в XVI веке, наибольшая его часть – начиная с лицевой стороны 1-го листа и кончая лицевой стороной 88-го листа [1:1r-88r] – написана одним и тем же почерком, одним и тем же стилем, который далее будет условно именоваться *книжным курсивом* (**рис. 1**).

Несмотря на многочисленные авторские ошибки, исправления и поправки, этот почерк довольно легко читается, чего совсем нельзя сказать о почерке, которым написана заключительная часть манускрипта – начиная с оборотной стороны 88-го листа и кончая лицевой стороной 97-го листа [1:88v-97r]. Этот второй стиль письма представляет собой очень беглую скоропись, порою напоминающую стенографию; поэтому далее, учитывая род деятельности Пьера Кошона (а я полагаю, что эта часть манускрипта написана его рукой), я буду именовать данный стиль письма *нотариальной скорописью* (**рис. 2**).

Разница между двумя означенными стилями письма столь велика, что невозможно не прийти к выводу, что манускрипт написан двумя разными людьми. В пользу этого говорят и факты, выявленные мною в ходе внутренней критики источника. Поэтому в дальнейшем я буду для удобства именовать авторов, писавших двумя разными стилями (*книжным курсивом* и *нота-*

риальной скорописью), соответственно, автором №1 и автором №2, имея в виду под последним Пьера Кошона⁸.

Теперь перейдём к рассмотрению **внутренней структуры источника**.

Первые 15 листов представляют собой довольно хаотичное собрание разнородных материалов. Так, на лицевой стороне первого листа [1:1r] приведена пасхальная таблица за период времени с 1360 по 1424 гг. (в заголовке таблицы вместо 1424 г. указан 1423 г.). Стиль письма в данном случае – уже упомянутый *книжный курсив*, используемый автором №1 (рис. 3, 4). Обратная сторона первого листа [1:1v] оставлена пустой, но разлинована таким образом, как будто автор планировал продолжать пасхальную таблицу с течением времени.

Лицевая сторона второго листа [1:2r] содержит четыре эскизных изображения буквы «J» (рис. 5 [a,b,c,d]). Об их авторстве можно судить лишь с очень большой осторожностью. Первая буква в верхней левой части листа обозначена только намёком, двумя вертикальными линиями, и оставлена не законченной (рис. 5 [a]). Вторая буква, расположенная чуть ниже, в левой части листа, очевидно, была забракована автором, так как она перечёркнута наискось (рис. 5 [b]). Она имеет определённое стилистическое сходство с некоторыми довольно примитивными буквами, которыми автор №1 украшал тексты своей рукописи (рис. 1). Однако две другие буквы, расположенные в средней правой и нижней частях листа, отличаются большей затейливостью, и составляющие их узоры напоминают нотариальные знаки, которыми руанские нотариусы сопровождали свои подписи (рис. 5 [c], [d]).

К буквице, расположенной в нижней части листа, слева пририсован забавный человеческий профиль с высунутым язы

⁸ Точно классифицировать данные стили письма могут лишь опытные палеографы. Тем не менее, я полагаю, что если следовать классификации, предложенной Альбером Дероле, то стиль автора №1 представляет собой разновидность *cursiva libraria*, а стиль автора №2 – разновидность *cursiva currens*. См.: [7:Plates 95-108].

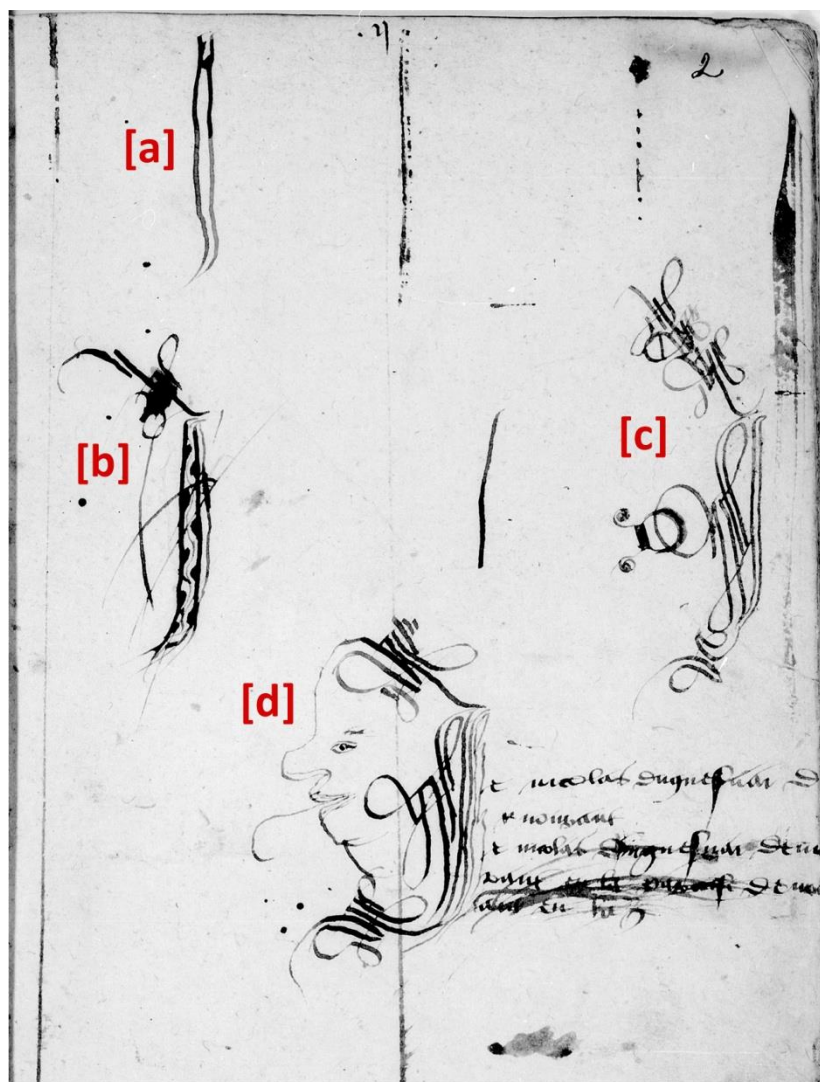

Рис. 5. Fol. 2r. Четыре эскизных изображения буквы «J» [a, b, c, d]. Справа от нижнего изображения стоит подпись Николая Дюкенэ (*Je Nicolas Duquesnai*).

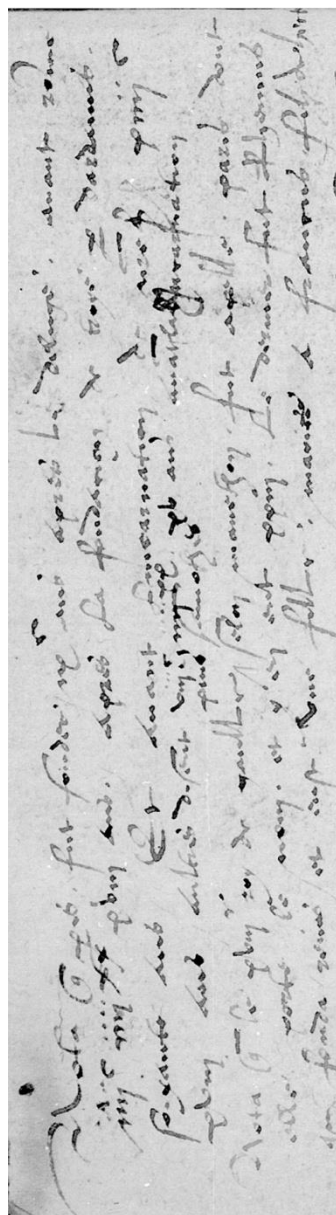

Рис. 6. Fol. 3v. Фрагмент хронологической выписки, сделанной адвокатом Парижского парламента Жаном ле Фероном (середина XVI века).

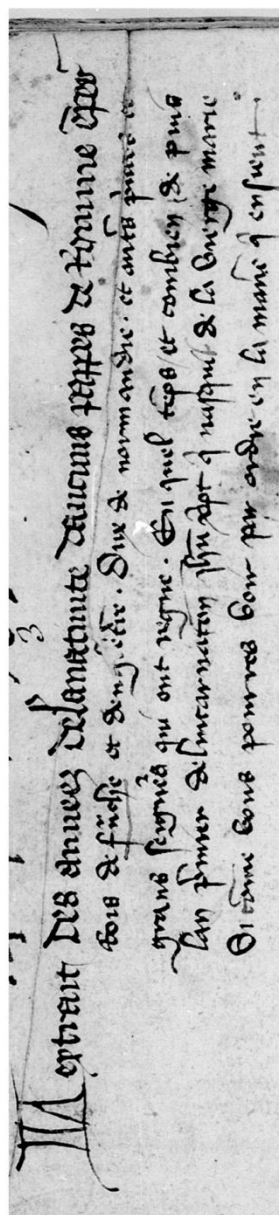

Рис. 7. Fol. 6r. Начало хронологической таблицы. Основной текст написан книжным курсивом, а заголовки – готическим стилем письма (разновидность *textualis formata*).

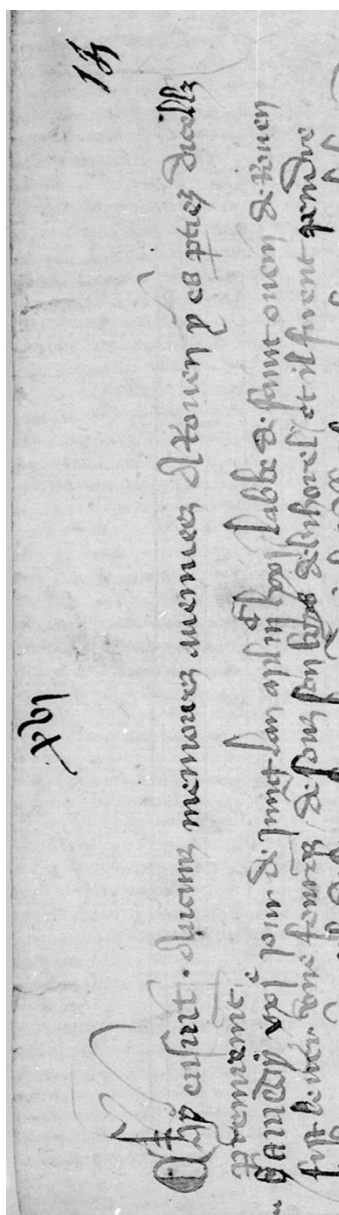

Рис. 8. Fol. 16r. Начало «Руанской хроники»: «Здесь следуют заметки о некоторых событиях, случившихся в Руане и его окрестностях». Стиль письма – книжный курсив.

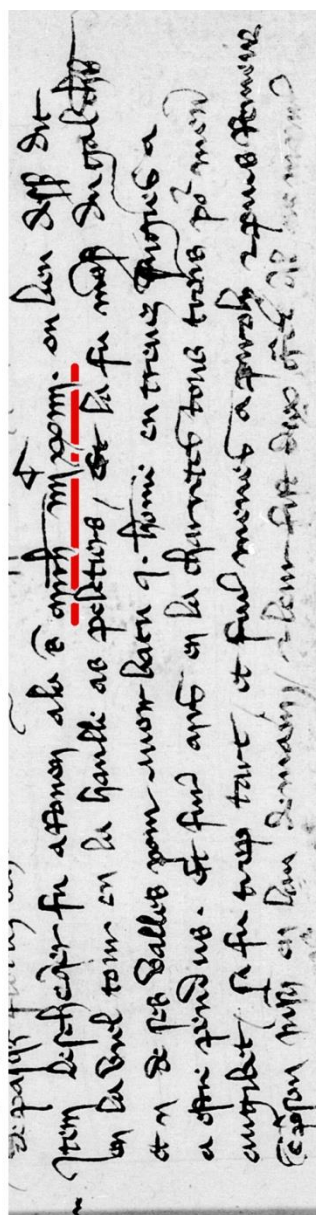

Рис. 9. Fol. 22r. Конец «Руанской хроники». Красной линией подчёркнута последняя дата, приведённая автором №1: «день Святого Михаила 1424 года [16 окт. 1424 г.]».

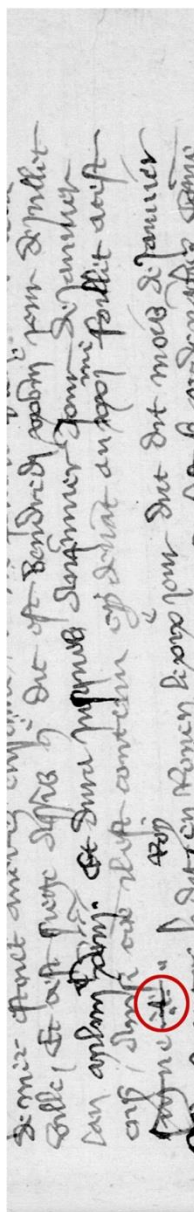

Рис. 10. Fol. 85r. В этом фрагменте «Нормандской хроники» автор №1 ссылается на 21-й лист своей рукописи, помеченный условным знаком – крестом с четырьмя точками (выделено красным кружком): «ainsi comme il est contenu cy devant au xxj^{me} foillet a cest signe ☩».

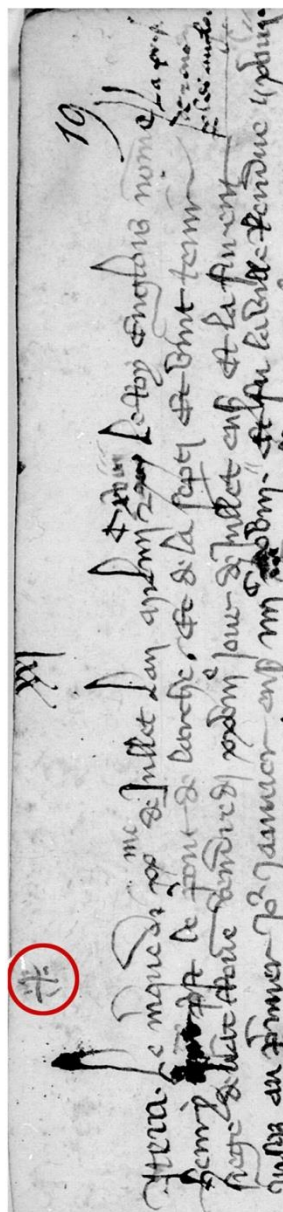

Рис. 11. Fol. 21r. Фрагмент «Руанской хроники», к которому автор №1 отсылает читателя с 85-го листа своей рукописи. Условный знак, крест с четырьмя точками, выделен красным кружком.

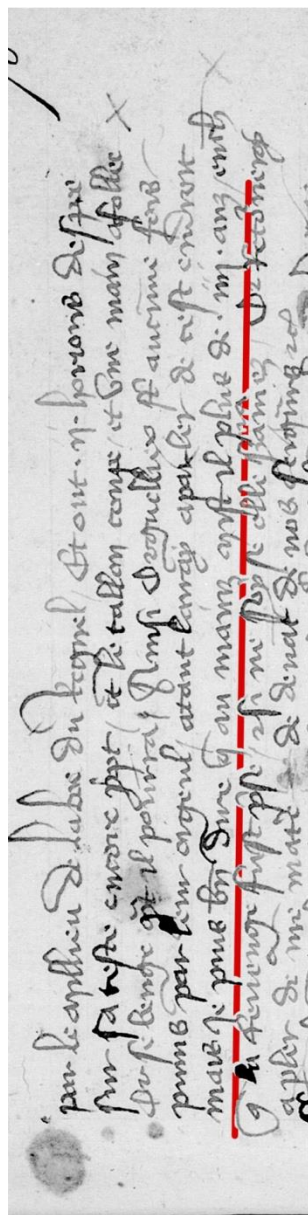

Рис. 14. Fol. 71r. В этом фрагменте «Нормандской хр-ки» автор №1 уточняет, что после ссоры, случившейся между Жаном де Гавилем и Жоффруа Бусико в 1406 г., прошло, по меньшей мере, четыре года: «*mais je puis bien dire que au mainz mist-il plus de .iiij. anz*» (подчёркнуто красным). Т.е. этот фрагмент был написан примерно в 1410 г.

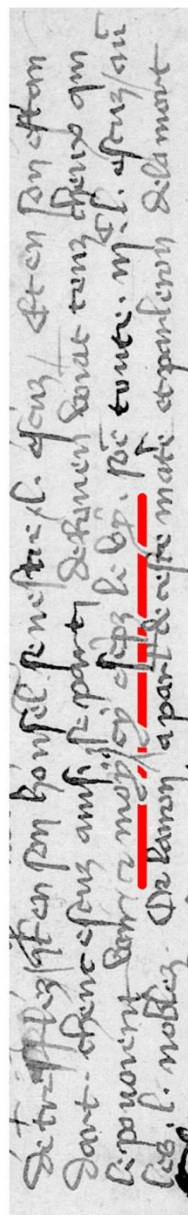

Рис. 15. Fol. 71r. Фрагмент «Нормандской хроники», в котором автор №1 сообщает, что лично наблюдал торжественный выезд из Руана Жана V де Гавиля осенью 1406 года: «*et moy qui sy escripz le vy*» (подчёркнуто красным).

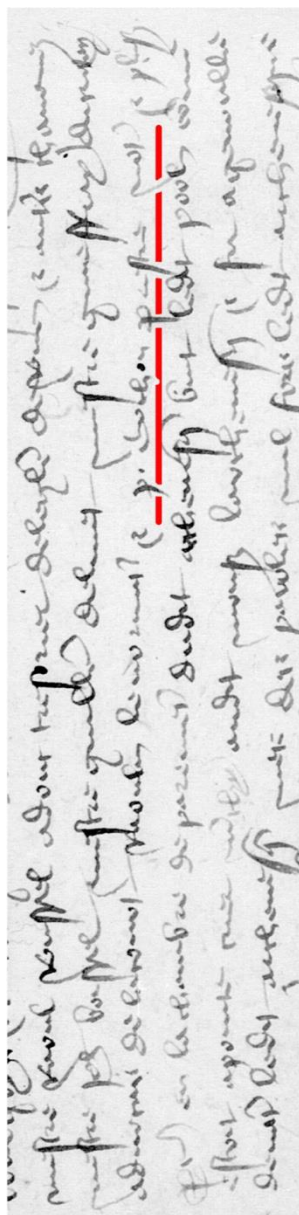

Рис. 17. Fol. 88v. Первое упоминание Пьера Кошона в «Нормандской хронике». Его имя названо в конце списка свидетелей, присутствовавших на встрече архиепископа Руанского с главным наместником руанского балы Пьером Паолоном: «П. Кошон, священник, нотариус»/«P. Cochon, prestre, notaire» (подчёркнуто красным).

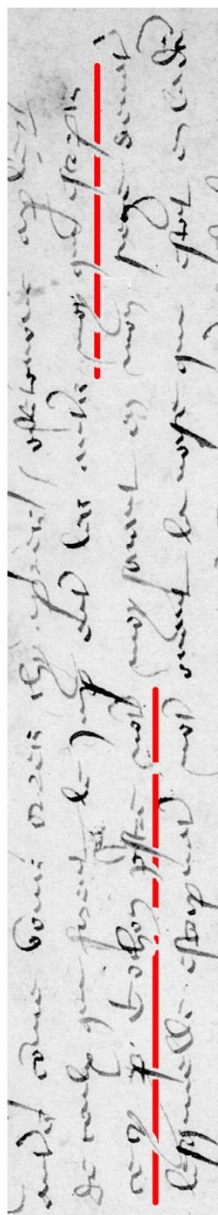
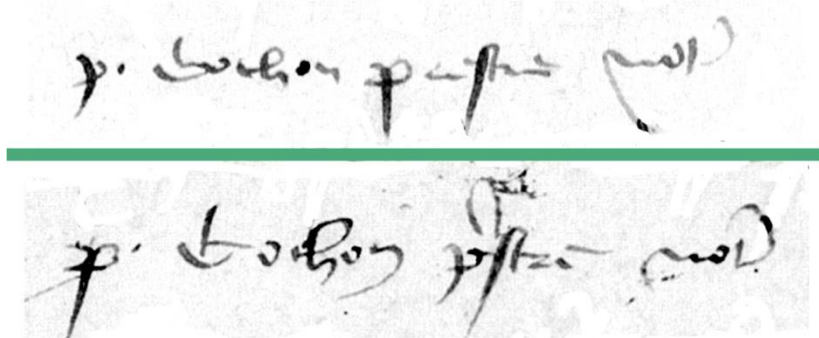

Рис. 18. Fol. 96r. В этом фрагменте «Нормандской хроники» автор №2 пишет о себе от первого лица: «я, писатель сего, П. Кошон, священник, нотариус»/«moy qui escriz sescu, P. Cochon, prestre, notaire» (подчёркнуто красным).

Fol. 88v (1425 г.)

Fol. 96r (1433 г.)

Рис. 19. Сличение записей «P. Cochon, prestre, notaire» («П. Кошон, священник, нотариус») на двух страницах: fol. 88v и fol. 96r. Очевидно, что за восьмилетний период почерк автора №2 почти не претерпел изменений.

Рис. 20. Нотариальная подпись Пьера Кошона

A handwritten notarial signature in black ink, identified as belonging to Pierre Cochon. The script is cursive and somewhat stylized, with a prominent initial 'P'.

Рис. 21. Нотариальная подпись Гильома Маншона

A handwritten notarial signature in black ink, identified as belonging to Guillaume Manchon. The script is cursive, with a large, ornate initial 'G'.

Рис. 22. Нотариальная подпись Гильома Коля, по прозвищу Буагильом

A handwritten notarial signature in black ink, identified as belonging to Guillaume Colas, known as Bouguillem. The script is cursive, with a large, ornate initial 'G'.

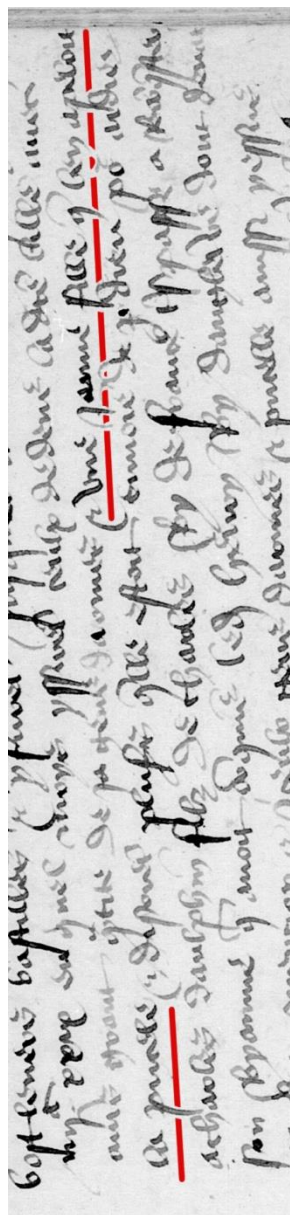

Рис. 23. Fol. 90r. Первое упоминание в «Нормандской хронике» Жанны д'Арк: «...юная девушка, которую называли Девой (...une jeune fille que l'en apele la pisele – подчёркнуто красным). И говорили многие, что она послана Богом, чтобы помочь Карлу, дофину, сыну почившего Карла, короля Франции, отвоевать его королевство».

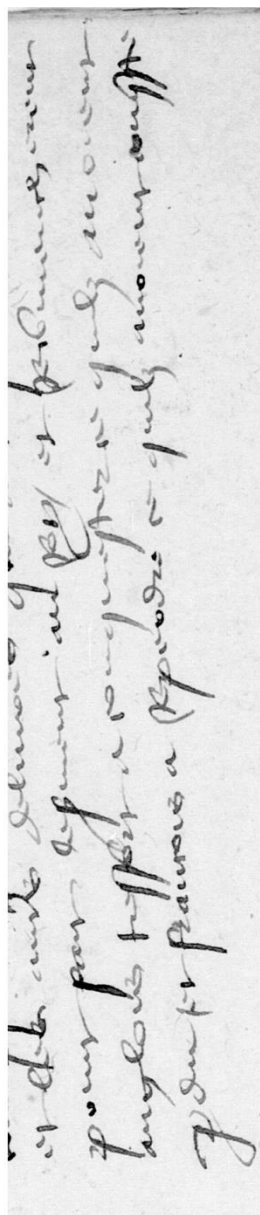

Рис. 24. Fol. 94r. Последняя запись П. Кошона о событиях 1430 г.: «И начали англичане очень мощно захватывать то, что прежде потеряли, а французы – терять то, что отовали». После этого в повествовании Кошона наблюдается трёхгодичный «провал».

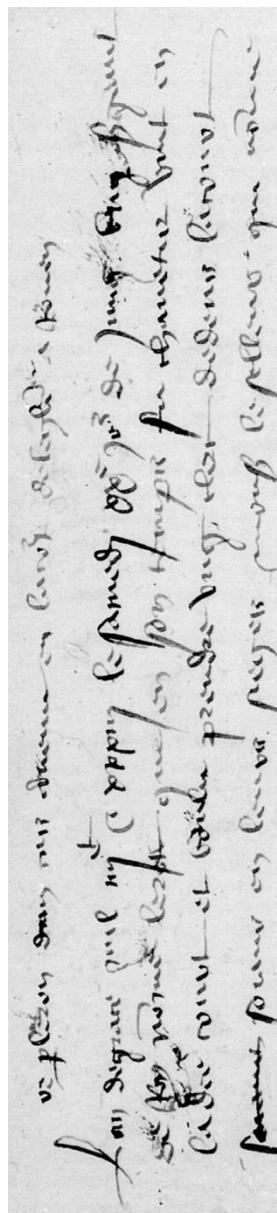

Рис. 25. Fol. 94v. Начало рассказа П. Кошона о том, как летом 1433 г. он был посажен в тюрьму, а затем выпущен по ходатайству церковных властей. Заголовок: «Теперь поговорим об одном случае, произошедшем в церковном суде Руана».

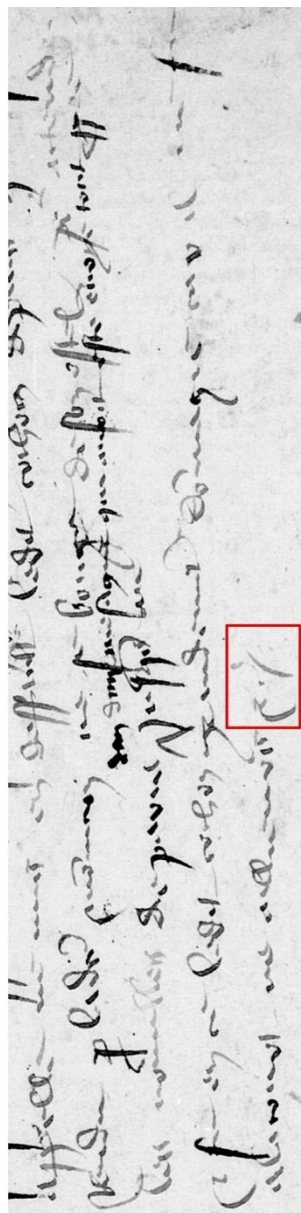

Рис. 26. Fol. 97r. Последняя запись П. Кошона: «И таким образом названный Кошон понёс очень большой ущерб, ибо [отсидевшись дома] он не бывал ни в церковном суде, ни где-либо ещё, etc.». Конечное сокращение выделено красным.

Рис. 28. Амабль Флоке (Amable Floquet). Рисунок художника К. Шарпантье

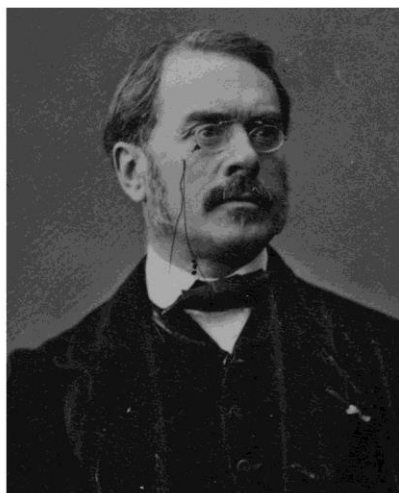

Рис. 29. Огюст Валле де Виривиль (Auguste Vallet de Viriville). Фотопортрет

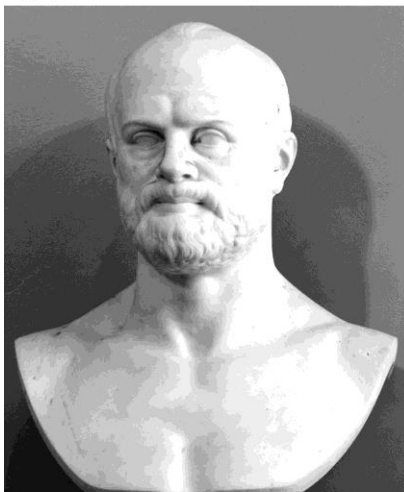

Рис. 30. Жюль Кишра (Jules Quicherat). Бюст работы скульптора Жана Пти (1885).

Рис. 31. Шарль де Робийяр де Борепаэр (Ch. de Robillard de Beaurepaire). Фотопортрет

ком. Кроме того, справа от этой буквицы поставил свою подпись Николя Дюкенэ (Nicolas Duquesnai), нормандский дворянин, владевший манускриптом в начале XVI века. Примечательно, что Николя Дюкенэ подписался трижды, но зачеркнул два варианта подписи в нижних строчках (**рис. 5 [d]**). Можно предполагать, что, ставя владельческую подпись, он ради развлечения попытался воспроизвести почерк автора №1 (т.н. *книжный курсив*), но остался недоволен своими опытами и зачеркнул те варианты подписи, которые показались ему неудачными. Нельзя исключать и того, что все эскизы буквиц тоже были выполнены рукой Николя Дюкенэ. Рисуя первые две буквицы (**рис. 5 [a, b]**), он, вероятно, ориентировался на образцы, представленные в текстах автора №1, но затем отверг эти варианты как слишком простые и остановился на более изысканном.

Оборотная сторона второго листа [1:2v] и лицевая сторона третьего листа [1:3r] оставлены пустыми. На оборотной стороне третьего листа [1:3v], в верхней его части, помещена краткая хронологическая выписка о событиях античной истории (**рис. 6**). Характерные особенности почерка явно свидетельствуют о том, что эта выписка сделана вышеупомянутым Жаном ле Фероном, адвокатом Парижского парламента, который владел манускриптом в середине XVI века.

На лицевой и оборотной стороне листа 4-го записаны три небольших стихотворения, почерпнутых автором №1 из неизвестных источников. Первые два носят шутивно-развлекательный характер: один, совсем неглубокий по смыслу, построен в виде фигуры с вынесенными в разные стороны предложениями и словесными окончаниями [1:4r; 3:XXXIII], а в другом перечисляются достоинства и добродетели, якобы присущие разным народам и этническим группам, но в конце сообщается, что все они не стоят даже одной пуговицы [1:4v; 3:XXXIII-XXXIV]. Третий же стих вполне серьёзен по содержанию и представляет собой посмертный панегирик прославленному коннетаблю Франции Бертрану дю Геклену [1:4v; 3:XXXIV]. Все три стиха написаны *книжным курсивом*.

Лист 5-й, как уже отмечалось выше, отсутствует. Далее, на листах с 6-го по 11-й [1:6r-11v] приведена хронологическая таблица, в которой отмечены даты правления некоторых римских пап, императоров, королей, а также некоторые важные события европейской и в особенности французской истории. Общий охват таблицы – с 1 года от Р.Х. по 1351 г.⁹, однако вследствие того, что лист 10-й был утрачен, в таблице образовался временной провал с 902 г. по 1144 г. Вся таблица написана всё тем же *книжным курсивом*, не считая лишь её заголовка [1:6r], образцом для которого, очевидно, послужил книжный готический стиль XIV века¹⁰ (рис. 7). В текстах «Руанской» и «Нормандской» хроник автор №1 будет ещё не раз использовать этот стиль для выделения отдельных слов или фраз¹¹.

Лицевая и оборотная стороны листа 12-го оставлены пустыми. Далее на пяти страницах [1:13r-15r] следует анонимная стихотворная история Парижа, начиная с легендарных времён основания города и кончая смертью короля Карла V Мудрого (1380). Весь стих записан *книжным курсивом*. Оборотная сторона листа 15-го оставлена пустой.

Наконец, после этого собрания разнородных материалов, на одиннадцати страницах [1:16r-22r] следует так называемая «Руанская хроника», которая непосредственно предшествует «Нормандской хронике». Необходимо ещё раз подчеркнуть, что в оригинальном тексте оба этих названия – «Руанская хроника» и «Нормандская хроника» – отсутствуют. Их впервые ввёл в употребление, исходя из общего содержания текстов, французский историк-архивист Огюст Валле де Виривиль, который в 1859 году опубликовал обширные фрагменты рассматриваемого манускрипта в качестве приложения к «Хронике Девы» Гильома

⁹ В конце таблицы помещена более поздняя приписка, выполненная рукой того же автора №1. В ней перечисляются некоторые события, происходившие с 1307 по 1318 гг. [1:11v].

¹⁰ По классификации Альбера Дероле, этот тип письма следует считать разновидностью *textualis formata*. См.: [7:Plates 96, 99].

¹¹ См., например: [1:33v, 73v, 74r].

Кузино [2] (особенности и недостатки этого издания будут отмечены ниже).

В заголовке «Руанской хроники» (рис. 8) автор №1 сообщает: «Здесь следуют заметки (дословно «памятки»/«*memoirez*») о некоторых событиях, случившихся в Руане и его окрестностях»¹², - правда, иногда он упоминает и о важных событиях, происходивших в Париже. Весь текст «Руанской хроники» написан *книжным курсивом*. Временной охват хроники: с 21 июня 1371 г.¹³ по день Святого Михаила 1424 г., т.е. по 16 октября 1424 г.¹⁴ (рис. 9). Рассказывая о событиях XIV в., автор №1, очевидно, использовал какие-то более ранние хроники местного, локального значения, а при описании событий XV в. он, главным образом, опирался на собственные наблюдения и рассказы современников.

Несмотря на свой малый объём, «Руанская хроника» содержит массу интересной для историка информации. Среди прочего, автор №1 сообщает об урожайных и голодных годах, всевозможных стихийных бедствиях и эпидемиях, опустошавших Северную Францию в указанный период. Временами по-

¹² «Chy ensuit aucunz memoirez avenueez a Rouen et es parties d'icelly» [1:16r; 3:316].

¹³ Следует уточнить, что, хотя «Руанская хроника» начинается с описания событий 1371 года, чуть ниже, на той же странице [1:16r; 3:316-318], сообщается о стихийных бедствиях, случившихся в 1363, 1367 и 1368 годах. Таким образом, «Руанская хроника» по временному охвату почти полностью совпадает с пасхальной таблицей [1:1r].

¹⁴ В эпоху позднего средневековья население Нормандии отмечало два праздника Святого Михаила: 29 сентября и 16 октября. Первый праздник был общим для всей католической церкви, а второй имел локальное значение. Считалось, что именно 16 октября 708 г. архангел Михаил явился святому Альберту, епископу Авранша. Объявив ему, что берёт Нормандию под свою защиту и покровительство, архангел велел основать монастырь на островной горе Мон-Томб, которая с тех пор стала именоваться Мон-Сен-Мишель. По всей видимости, автор №1, говоря о дне Святого Михаила, подразумевает второй из названных праздников.

вестование напоминает криминальные сводки, когда речь заходит о разных громких преступлениях, совершённых в Руане и его округе, а также о судебных приговорах, вынесенных по этому поводу. Начиная с 1419 г., т.е. после завоевания Руана англичанами, отдельной темой заметок автора №1 становятся тяжёлые налоги и контрибуции, наложенные победителями на местное население; монетная девальвация, разорительная для народа; растущая дороговизна продовольствия на городских рынках и тому подобные сюжеты.

Сроки создания «Руанской хроники» можно определить лишь приблизительно. Уже на первой её странице [1:16r; 3:318] автор №1 сообщает, что в 1373 г. Сен-Северская насыпная дорога в предместье Руана была размыта наводнением, и её починили только в 1407 г. Таким образом, создание «Руанской хроники» началось никак не ранее 1407 года. На оборотной стороне листа 16-го [1:16v; 3:318] автор №1 сообщает, что королевский шамбеллан Гильом де Белланг стал капитаном Руана в 1381 г. и занимал эту должность до своей смерти, наступившей в сентябре 1409 г. Ясно, что эту запись автор сделал не ранее сентября 1409 г. Далее, на той же странице он сообщает, что в 1383 г. «выдался очень большой и ранний урожай винограда, так что уже к середине августа в Руане было шесть бочек муста». Сразу за этим следует межстрочная приписка, выполненная рукой того же автора: «И столь большого сбора урожая не случалось потом до самого 1413 г., когда в Руане к 26 дню августа было вина в изобилии» [1:16v; 3:319-320]. Эта приписка сделана более тёмными чернилами и более убористым почерком, чем основная запись. Очевидно, что она была добавлена спустя какое-то время (вероятно, значительное) и потому не может служить точным указанием на то, когда была выполнена основная запись о событиях 1383 г. Однако немного далее, на оборотной стороне листа 17-го, можно обнаружить более надёжные хронологические ориентиры. Упомянув о рождении в 1396 г. принца Людовика Гиеньского, третьего сына короля Карла VI, автор №1 поясняет, что ныне этот принц «является герцогом Гиеньским и дофином

Вьенским, будучи старшим сыном короля; а женат он на дочери монсеньора Бургундского» [1:17v; 3:324]. Между тем известно, что принц женился на Маргарите Бургундской, дочери герцога Жана Бесстрашного, в 1404 г., а скончался в 1415 г. При этом нужно учесть, что предыдущие записи «Руанской хроники» сделаны не ранее 1409 года. Следовательно, автор №1 мог сделать запись о рождении Людовика Гиеньского не ранее 1409 г. и не позднее 1415 г.

Общий вывод из вышеизложенного таков: к созданию «Руанской хроники» автор №1 приступил не ранее 1407 г. и не позднее 1415 г., а прекратил работу над ней не ранее 16 октября 1424 г.

Любопытно сопоставить эти данные с хронологическими вехами создания «Нормандской хроники». В ней автор №1 рассказывает о скандальной ссоре, которая случилась в 1406 году между сеньорами Жаном V Мале де Гравилем и Жоффруа Ле-Мэнгром, именуемым Бусико [1:70v-71r; 3:216-218]. В заключение рассказа он замечает, что после этого события минуло, по меньшей мере, четыре года [1:71r; 3:217] (**рис. 14**). То есть он писал эти строки примерно в 1410 году, и мы вправе заключить, что к созданию «Нормандской хроники» он приступил не позднее означенной даты.

Таким образом, путём несложных подсчётов можно сделать вывод, что автор №1 создавал «Руанскую хронику» одновременно с «Нормандской хроникой». Кроме того, он явно рассматривал оба этих труда как взаимодополняющие. На это указывают взаимные, перекрёстные ссылки, содержащиеся в текстах обеих хроник. Также очевидно, что автор №1 ещё в ходе работы решил, что «Руанская хроника» должна предшествовать «Нормандской хронике» в общей структуре манускрипта. Так, кратко сообщив в «Руанской хронике» о взятии англичанами Арфлёра в 1415 г. [1:20r; 3:339], он поясняет, что более подробно это событие описано далее, имея в виду текст «Нормандской хроники», содержащийся на 83-м листе [1:83v; 3:274]. С другой стороны, в «Нормандской хронике» автор №1, кратко упомянув

об осаде Руана войсками Генриха V [1:85r; 3:280], отсылает читателя за подробностями к 21-му листу «Руанской хроники» [1:21r; 3:342]: «И, как уже сказано, эта осада была начата в пятницу, 28 июля 1418 г., и длилась до первого дня января, как рассказано здесь прежде, на двадцать первом листе, помеченном этим знаком: » (**рис. 10, 11**). Из этого замечания автора №1 следует, что на данном этапе его работы порядковая нумерация была уже присвоена, по меньшей мере, тем листам, которые составили начальные разделы манускрипта, включая «Руанскую хронику».

После «Руанской хроники» следуют три пустые страницы [1:22v-23v], а затем на лицевой стороне листа 24-го начинается так называемая «Нормандская хроника», которая на самом деле не имеет никакого заголовка (**рис. 12, 13**). Она занимает всю остальную, наибольшую часть рукописи: с 24-го листа по 97-й лист [1:24r-97r; 3:1-315, 349-356].

Как уже сказано, внутренняя критика «Нормандской хроники» позволяет установить, что к её написанию автор №1 приступил не позднее 1410 года. Этот источник весьма неоднороден по своей структуре, стилистике, а также по характеру приведённых в нём сведений. Охватывающий временные рамки с 1108 по 1433 г., он условно делится на четыре неравные части. В первой части [1:24r-33r; 3:1-49] освещаются события западноевропейской истории, происходившие с 1108 по 1270 гг., т.е. с правления короля Людовика VI Французского по конец правления Людовика IX Святого. Вся эта часть «Нормандской хроники» является кратким изложением так называемых «Рассказов реймского менестреля»¹⁵.

¹⁵ «Récits d'un ménestrel de Reims» – этот анонимный источник, написанный в 60-е годы XIII века, получил у исследователей такое название, поскольку его автор, используя фольклорно-сценические речевые шаблоны, придал повествованию вид рыцарского романа с элементами народного фэблио. Внимание «менестреля» к событиям, происходившим в Реймсе и его округе, выдаёт в нём местного уроженца. Подробнее см.: [5:i-xxxix].

Вторую часть «Нормандской хроники» можно условно ограничить 1270 – 1406 гг. [1:33v-71r; 3:50-218]. При её написании автор №1 обильно заимствовал материал из какой-то другой хроники, не сохранившейся до наших дней. Возможно, что все списки этой хроники были уничтожены, поскольку содержали очень резкую критику правления королевской династии Валуа, а единственный экземпляр «Нормандской хроники» уцелел лишь потому, что создавался не для широкой публики. Ввиду утраты исходного текста невозможно определить, в какой степени автор №1 его использовал и редактировал. Ясно, однако, что он переносил в свой труд лишь те трактовки и суждения, которые не противоречили его собственным социально-политическим взглядам.

Следует отметить, что автор №1 на протяжении всего своего повествования неоднократно обращается к читателю от первого лица, используя личное местоимение «я» («je», «moi»). Однако при этом он не называет своего имени и не сообщает никаких подробностей о своей жизни. Лишь один раз, говоря о событиях осени 1406 г., автор №1 делает важное замечание, из которого следует, что в указанное время он находился в Руане и стал непосредственным очевидцем очень красочной сцены – торжественного выезда из города знатного нормандского сеньора Жана V Мале де Гравиля: «...и я, писатель сего, его видел [т.е. сеньора де Гравиля – *A.M.B.*]»/«...et moy, qui sy escrips, le vy» [1:71r; 3:219] (**рис. 15**).

Таким образом, начиная примерно с этой временной вехи – 1406 г., мы можем полагать, что имеем дело уже не с компиляцией чужих трудов, а с самостоятельным историческим сочинением. И действительно, углубляясь всё дальше в события XV в., автор №1 строит свой рассказ на основе личных наблюдений и воспоминаний, самых разных общественных слухов, сведений, полученных от непосредственных участников современных ему событий, а также на основе доступных ему документальных источников.

Этот самостоятельный по содержанию раздел «Нормандской хроники» был доведён автором №1 до 1424 года. Почему речь идёт именно об этой дате? Дело в том, что на лицевой стороне листа 88-го [1:88г; 3:294], где описываются события, происходившие в июле 1424 г., заканчивается стиль письма, условно именуемый *книжным курсивом* (рис.13). Здесь уместно вспомнить, что пасхальная таблица, написанная автором №1 на первом листе манускрипта, обрывается как раз на 1424 г. (рис. 4), хотя автор и планировал продолжить таблицу, коль скоро разграфил для неё оборотную сторону листа 1-го. Повествование «Руанской хроники» тоже доведено автором №1 до дня Святого Михаила 1424 года, т.е. до 16 октября 1424 г. (рис. 9). Составив три указанные даты, можно с большой уверенностью заключить, что автор №1, одновременно работавший над «Руанской хроникой», «Нормандской хроникой» и планомерно заполнявший пасхальную таблицу, скончался или полностью утратил работоспособность в последние месяцы 1424 г. Конечно, нельзя исключать, что какие-нибудь другие обстоятельства непреодолимой силы заставили его прекратить работу, но нетвёрдый, дрожащий почерк, которым написаны последние страницы «Руанской хроники» и страницы «Нормандской хроники», посвящённые событиям 1424 г., наводит на мысль, что автор №1 в это время был уже пожилым человеком, имевшим проблемы со здоровьем. Наконец, если сделать смелое допущение, что хронологические рамки пасхальной таблицы (1360 – 1424 гг.) точно соответствуют границам жизни её автора, то, получится, что он скончался в 64-летнем возрасте.

* * *

Подводя некоторый итог уже рассмотренной части манускрипта, можно в общих чертах обрисовать личные особенности автора №1.

Как уже отмечалось, автор №1 ни разу не представляется читателю и не сообщает о себе никаких конкретных сведений. Однако некоторый набор тем, привлекающих его пристальное внимание как в «Руанской хронике», так и в «Нормандской хро-

нике», позволяет с большой степенью точности определить его происхождение, сословную принадлежность, род занятий и социально-политические взгляды.

Во-первых, можно не сомневаться, что он был уроженцем земли Ко, расположенной в восточной части Нормандии, к северу от Руана. На это прямо указывает «кошуазский» диалект (разновидность пикардийского), на котором он изъясняется. Кроме того, рассказывая о перипетиях Столетней войны, автор №1 особое внимание уделяет опустошениям, которым подвергалась земля Ко, и демонстрирует хорошее знание местной топографии¹⁶. При этом другие области Нормандии, тоже страдавшие от военных вторжений (такие, например, как Котантен, Бессен, Вексен и др.), выпадают из его поля зрения. Говоря о каком-нибудь историческом персонаже, автор №1 никогда не забывает упомянуть, если тот был родом из земли Ко. В частности, приводя в своём труде пространный фрагмент из знаменитой речи Жана Пти, произнесённой в Париже 8 марта 1408 г., автор дважды подчёркивает, что мэтр Жан был уроженцем земли Ко [1:72r, 82v; 3:223, 270]¹⁷.

Вместе с тем важно отметить, что многие высказывания автора №1 о событиях XIV – начала XV века выдают его сильное недовольство действиями королевской власти и проникнуты стойким духом нормандского партикуляризма.¹⁸ Так, он неодно-

¹⁶ Наиболее наглядные свидетельства того, что земля Ко была для автора №1 «малой родиной», можно найти на следующих страницах его труда: [1:44v, 49r, 68r; 3:103, 123, 207].

¹⁷ К этим же случаям можно отнести и особое упоминание о казни в Париже в 1414 г. сеньора Гиана дю Плэза, уроженца земли Ко [1:83r; 3:272-273].

¹⁸ За редким исключением, автор №1 обычно удостоивает похвальных отзывов только своих земляков-нормандцев. См., например, его уважительные высказывания о королевском коадьюторе Ангерране де Мариньи [1:34r; 3:52-53], маршале Франции Робере Бертроне VII де Брикбеке [1:35r; 3:60] и адмирале Франции Николя Бегюше [1:36r; 3:64-65], которые были уроженцами Нормандии.

кратно выражает своё возмущение по поводу нарушения королевской администрацией старинных нормандских вольностей и привилегий¹⁹. Правление династии Валуа в целом получает у него негативную оценку в связи с усилившимся при ней налоговым гнѐтом и административным произволом. Эти оппозиционные взгляды автора №1 естественным образом привели к тому, что он, как и многие его современники, стал убеждённым сторонником Жана Бесстрашного, герцога Бургундии (1404 – 1419), который вѐл ожесточѐнную борьбу за власть с Орлеанским домом. Играя на мятежных настроениях простого народа, герцог Бургундский активно использовал приѐмы социальной демагогии и агитации и обеспечил себе репутацию борца за общественное благо. На первых порах автор №1 безусловно его поддерживал, что нашло своё отражение на страницах «Нормандской хроники». Однако в конце концов он разочаровался в политике Жана Бесстрашного, поскольку убедился, что она принесла Франции лишь кровавую междоусобную войну и потерю государственной независимости. События, происходившие с 1419 по 1424 гг., автор №1 описывал уже в условиях английской оккупации.

Если говорить о социальном положении автора №1, то он, несомненно, принадлежал к духовенству. Об этом свидетельствует его крайне болезненное отношение ко всем случаям нарушения церковных привилегий со стороны светских властей²⁰, а также пристальное внимание к событиям, происходив-

¹⁹ См.: [1:34v, 35r, 36v, 38v, 39v, 41r; 3:55-59, 66, 75-77, 81-86].

²⁰ В этом отношении показателен следующий фрагмент «Руанской хроники»: «Далее, в год 1406 некоторые узники выбрались из [Руанского] замка и пришли отдаться [под защиту] Руанской Богоматери. Мессир Донкерр, тогдашний бальи, пришѐл за ними в собор и пожелал взять их силой, – ещё никогда не совершал он столь большой глупости! Более того, на следующий день велел он схватить соборного капеллана в его церковном облачении и доставить в замок. За это был он отлучен от Церкви и никогда впоследствии уже не испытывал радости.

шим внутри церковной организации. Посвятив обширный раздел «Нормандской хроники» описанию Великой схизмы²¹, автор №1 с осуждением отзывается о некоторых представителях высшего духовенства, чьи своекорыстные амбиции мешали положить конец церковному расколу, но при этом с явным сочувствием говорит о невзгодах и бедах простых клириков и прихожан, пострадавших от церковной смуты²². Подобные высказывания автора №1 позволяют сделать вывод, что он был выходцем из третьего сословья и занимал одну из низших ступеней церковной иерархии, – скорее всего, имел сан священника.

Рассказ о налогах и контрибуциях, наложенных англичанами на население оккупированного Руана, тоже может служить красноречивым указанием на сословный статус автора №1. Отмечая разорительность новых поборов для всей городской об-

И охватил его недуг, от коего он и умер в Буврее, находясь под полным отлучением. Так скончал он свои дни» [1:18r; 3:328].

²¹ См.: [1:51r-53v; 3:131-147].

²² Так, в «Нормандской хронике» автор №1 сообщает: «И пробежал среди народа Франции великий ропот, когда ему сказали, что у него теперь два папы. Большинство людей в глубине души верило, что папа Урбан Римский – истинный папа, и это привело ко многим бедам. От имени папы Климента и короля были посланы комиссары, которые искали сторонников папы Римского и приказывали брать их под стражу вместе со всем имуществом. По решению светского суда, этих задержанных – таких, как мэтр Эташ де Модетур, и других – доставляли в парижскую темницу Шатле и доводили там до смерти. Другие же, кто успел бежать, не осмеливались показаться ещё долгое время. Всё это было весьма странно» [1:51r; 3:132]. В «Руанской хронике» автор №1 высказывается сходным образом: «Далее, в том же 1383 г. мэтр Эташ де Модетур, находясь на своей должности кюре в Уэнвиль-ан-Ко, был схвачен комиссаром Шатле. Затем он был доставлен в Париж, в Шатле, как какой-нибудь убийца, и умер там из-за того, что верил и утверждал, что папа Урбан Римский – истинный папа. Туда же были доставлены и многие другие [задержанные]. Сами они остались в живых, но их имущество было распродано по приговору светского суда» [1:16v; 3:320].

щины, автор делает особый акцент на тяжелом положении духовенства: «Итак, оказался город в величайшей беде, и талья была столь велика и столь непомерна, что все от неё были разорены. Она достигала 400 тысяч ливров твёрдой монетой и распространялась, помимо самой городской общины, на церковнослужителей и знатных людей, находившихся в городе в пору осады. И всё же те, кто заплатил первым, ещё хорошо отделались. Ибо в два следующих года всё сильно вздорожало из-за изменения монетного курса, а талью надлежало платить в твёрдой монете, из-за чего все люди были разорены... Деньги продолжали безудержно дешеветь, и только королю [Генриху V] всё выплачивалось в твёрдой монете. В том же году король дважды получил десятину с Церкви: первая десятина была выплачена на Пасху 1421 г., а вторая – на ближайший день Святого Михаила. И было всё выплачено твёрдой монетой, что слишком сильно обременило духовенство. Посещения архидьяконов²³ также оплачивались твёрдой монетой, и в суде официала, и при рассмотрении тяжб в королевском суде тоже требовали твёрдой монеты» [1:21r; 3:343].

В приведённом фрагменте особого внимания заслуживает упоминание о том, что в «суде официала», т.е. суде архиепископа Руанского, все выплаты осуществлялись в твёрдой монете. Если учесть, что в «Руанской хронике» автор №1 описывает всевозможные случаи судопроизводства, логично предположить, что сам он жил в Руане и работал в церковном суде. Кроме того, его речь, часто очень грубая и вульгарная²⁴, выдаёт че-

²³ Имеется в виду сбор, который имели право взимать с приходских юре архидьяконы при посещении их приходов.

²⁴ К образчикам простонародной, площадной лексики автора №1 можно отнести всевозможные присказки и поговорки, которыми он уснащает свою речь: «Она [королева Жанна Бургундская] была хромоногой и самой злобной из всех, кто когда-либо сс...л из п... на землю (*qui omques pissat de con sur terre*)» [1:35r; 3:59], «Слишком поздно зажимать рукою зад, когда вонь уже вырвалась наружу» [1:47v; 3:115-116], «Наказали скрягу – набили зад его кошельку» [1:58v; 3:169], «Ослу

ловека, вышедшего из простонародья, не слишком образованного²⁵, не имеющего значительных доходов²⁶. Это позволяет думать, что он, скорее всего, исполнял в церковном суде скромную должность нотариуса.

Таковы общие выводы, которые можно сделать о происхождении, сословном статусе и общественно-политических взглядах автора №1 на основе его собственных высказываний. Как уже было отмечено, стиль письма (*книжный курсив*), которым пользовался автор №1, прослеживается до лицевой стороны листа 88-го включительно [1:88r]. В самом конце этой страницы идёт речь о военных действиях герцога Джона Бедфорда в землях Нормандии летом 1424 г.: «И в ту пору названный регент

невдомёк, что на уме у хозяина» [1:48v; 3:121], «Пошли ловить зайца под барабанный бой» [1:45v; 3:106], «Замыслы глупца редко исполняются» [1:28v, 46v, 56r, 59r, 76v; 3:23, 112, 158, 172, 240] и т.д.

²⁵ Характерно, что приводя в своём тексте большой фрагмент знаменитой речи Жана Пти, автор №1 полностью опустил «первую посылку», очевидно сочтя силлогизмы университетского магистра слишком мудрёными и оторванными от жизни [1:72r; 3:224]. Это можно расценивать как одно из свидетельств того, что автор №1 не получил университетского образования и схоластическая учёность была ему чужда.

²⁶ О низком уровне доходов автора №1 может свидетельствовать следующий фрагмент «Руанской хроники», посвящённый событиям 1423 года: «В ту пору, на Пасху, мясники снова стали продавать мясо не взвешивая. Им запретили торговать вразвес, поскольку они творили слишком много обмана: например, подсовывали в мясо кости и таким образом увеличивали его вес наполовину и даже больше. После этого, поскольку торговля вразвес была запрещена, мясники стали продавать мясо столь дорого, что никто не мог покупать его у них часто. Теперь за ними вовсе не было надзора, и один кусок говяжьей вырезки стоил 10 су, четверть барашка – 10 су твёрдой монетой, а свинина и телятина были так же дороги, как и другое мясо. И не было в городе доброго надзора за порядком (*bon pollicie*); и каждый думал лишь о себе» [1:21v; 3:346-347]. Эти строки явно были написаны человеком, чей повседневный рацион питания сильно зависел от колебаний цен на продовольствие.

[герцог Бедфорд] прибыл в Вернон, дабы быть более близко к осаждённому замку [Иври], и там заключил соглашение до середины августа; и отбыл названный регент из Вернона, и вернулся в Руан в четверг, 20-й день июля 1424 года» [1:88r; 3:293-294] (**рис. 13**).

После этого повествование «Нормандской хроники» продолжается уже на оборотной стороне листа 88-го [1:88v], причём речь идёт о руанских событиях, происходивших в мае 1425 г., и запись ведётся совсем другим почерком – *нотариальной скорописью*. Видно, что в начале страницы новый автор – автор №2 – пытался подстроиться под стиль письма своего предшественника и заставлял себя писать достаточно крупно и разборчиво. Однако он явно не привык вести подобные записи, и уже с середины страницы постепенно переходит на мелкую, трудночитаемую скоропись (**рис. 16**). В дальнейшем его почерк будет ещё не раз «гулять» подобным образом.

Весьма примечательно и то, что именно на этой странице [1:88v] впервые встречается имя Пьера Кошона. Автор №2 описывает торжественную сцену примирения, состоявшуюся в августе 1425 года между архиепископом Руанским и наместником руанского балли Пьером Паолоном (Paolin), который перед этим неоднократно нарушал церковные привилегии. Встреча проходила в парадном покое архиепископа, в присутствии множества свидетелей – нотаблей и служащих церковного суда. Поимённо назвав некоторых из них, автор №2 под конец сообщает, что там был и «П. Кошон, священник, нотариус» / «P. Cochon, prestre, notaire» [1:88v; 3:295] (**рис. 17**). Поскольку Пьер Кошон упоминается в третьем лице, нельзя пока утверждать, что автор №2 имел в виду самого себя. Однако анализ последних страниц манускрипта приводит нас именно к этому выводу.

Дело в том, что на лицевой стороне листа 96-го автор №2, рассказывая о событиях августа 1433 года, представляется читателю: «я, писатель сего, П. Кошон, священник, нотариус» / «...moy qui escripiz cecu, P. Cochon, prestre, notaire...» [1:96r; 3:351] (**рис. 18**). Сличение почерков на двух страницах (88v и

96г) не оставляет сомнений: это одна и та же рука (**рис. 19**). Таким образом, можно утверждать, что заключительный раздел манускрипта, начиная с оборотной стороны листа 88-го и кончая лицевой стороной листа 97-го [1:88v-97r], написан Пьером Кошоном. Поэтому далее я буду называть автора №2 его настоящим именем. Но прежде чем рассмотреть содержание заметок Пьера Кошона, я позволю себе сделать небольшое отступление, чтобы дать биографическую справку об этом персонаже.

* * *

Документальные источники XV столетия указывают на то, что Пьер Кошон²⁷ родился не позднее 1390 года в укрепленном городке (бурге) Фонтэн-ле-Дён, расположенном в земле Ко, в Аркском виконтстве, в восточной части Нормандии (ныне департ. Приморская Сена, округ Дьеппа) [3:V] (**рис. 27**). Доходы семейства Кошонов были скромными, но отец хрониста, Жан Кошон, вероятно, владел недвижимостью в столице Нормандии, городе Руане, и имел там некоторые связи. На чём основано это предположение? Дело в том, что ещё в 60-е годы XIX в. историк-архивист Шарль де Робийяр де Борепэр нашел в архиве департамента Приморской Сены любопытный документ, датированный 1432 г. В нём сообщалось, что решением суда на дом Жана Кошона, стоявший в Руане в приходе Сен-Годар, был наложен арест по требованию его заимодавцев [3:XVI]. Исследователь предположил, что в данном случае речь идёт об отце

²⁷ Пьера Кошона (Cochon), священника-нотариуса и хрониста, не следует путать с Пьером Кошоном (Cauchon), епископом Бове, который снискал печальную известность как председатель церковного трибунала, судившего Жанну д'Арк в 1431 г. Фамилия «Cochon» переводится на русский язык как «свинья, боров», а фамилия «Cauchon», по всей видимости, означала на пикардийском диалекте то же самое, что и «chausson», т.е. «короткий чулок, носок». Вполне возможно, что эти исторические персонажи, Кошон-нотариус и Кошон-епископ, виделись в ходе судебного процесса Жанны д'Арк и даже перемолвились несколькими словами.

Пьера Кошона, Жана Кошоне, который, несмотря на временные финансовые трудности, всё-таки пользовался в Руане определёнными правами (быть может, был полноправным горожанином). Вероятно, благодаря этому обстоятельству его сын Пьер Кошон ещё в юности смог пройти обучение в школе капитула Руанского собора, где давали неплохое по тем временам начальное образование. Также можно уверенно предполагать, что по окончании школы Пьер Кошон стал одним из так называемых «мальчиков курии» (лат. - «*pueri curie*», фр. - «*les enfants de la Cour*»), т.е. он поступил в ученичество к нотариусам церковного суда Руана. Находясь в церковном суде при каком-нибудь опытном нотариусе, он учился составлять на латыни и на французском нотариальные акты – всевозможные завещания, брачные договоры, дарственные – и должным образом заверять их. Надо сказать, что руанские церковные нотариусы ещё с 1276 г. объединялись в профессиональную корпорацию – братство Богородицы и Святого Марка (для краткости слово «Богородица» в этом названии часто опускалось)²⁸. Разумеется, у братьев-нотариусов был свой устав. В соответствии с ним, они раз в неделю, по субботам, должны были присутствовать на общем собрании. За неявку полагался штраф – 2 денье. Кроме того, раз в год, в день Рождества Богородицы, они устраивали торжественное застолье. В середине 30-х годов XV в. у братства появилось собственное малое святилище – часовня Святого Марка, которая была построена на щедрое пожертвования одного из членов братства, Жана Ле-Гра [3:VI-VII].

К сожалению, не сохранилось никаких данных о том, как складывалась карьера Пьера Кошона на её ранних этапах. Ясно только, что высшего, университетского образования он не получил. Лексические особенности его письменной речи выдают человека далёкого от схоластической науки, от университетского знания. Впрочем, для исполнения должности нотариуса боль-

²⁸ Подробнее о братстве Богородицы и Святого Марка (la confrérie de Notre-Dame et de Saint-Marc) см.: [3:VI-X].

шой образованности и не требовалось. Как отмечено выше, сам Пьер Кошон сообщает в «Нормандской хронике», что в 1425 г. у него уже был сан священника и должность нотариуса в архиепископском суде Руана [1:88v; 3:295]. Полное название его должности звучало довольно внушительно: «апостольский и имперский нотариус архиепископского суда в Руане». В связи с этим надо пояснить, что институт апостольских и имперских нотариусов возник ещё в XI в. в землях Италии, которые были подвластны римским папам и императорам. По мере того, как этот институт показал свою эффективность и нужность, он распространился и на другие страны Западной Европы, в том числе и на Францию. К XV в. слово «имперский» в этом наименовании стало уже чисто декоративным, однако слово «апостольский» по-прежнему означало, что нотариус держит свою должность, как тогда говорили, от престола Святого Петра, т.е. санкция на получение должности исходила непосредственно из папской курии: либо оттуда приходила соответствующая грамота, либо апостольские нотариусы на местах имели полномочие от папской курии самостоятельно принимать в свои ряды новых членов. По своему статусу апостольские нотариусы были выше других церковных нотариусов – например, епископских. Считалось, что только апостольские нотариусы могут составлять и заверять нотариальные акты особой важности²⁹. Так, сам Пьер Кошон, исполняя свою должность, заверил целый ряд важных документов, дошедших до нашего времени. В частности, осенью 1435 г. он заверил завещание Джона Ланкастера, герцога Бедфорда, который был регентом при малолетнем короле Генрихе VI Английском и управлял землями Северной Франции [3:VI].

Документальные источники свидетельствуют, что Пьер Кошон был очень привязан к братству Святого Марка и неоднократно делал в его пользу различные вклады и пожертвования [3:XIII-XIV]. Судя по всему, он пользовался уважением среди своих коллег, т.к. во второй половине 30-х годов они избрали

²⁹ Подробнее об институте апостольских нотариусов см.: [3:V-XI].

его на должность капеллана в часовне Святого Марка [3:VIII], о которой я уже успел сказать. В этот период времени основу братства, его «элитную» часть, составляли 12 апостольских нотариусов-священников, включая самого Кошона [3:VII]. Стоит упомянуть, что среди них были такие личности, как Гильом Маншон и Гильом Коль, по прозвищу Буагильом. Они вошли в историю благодаря тому, что участвовали в судебном процессе Жанны д'Арк в качестве писцов-секретарей. Как известно, Гильом Маншон составил так называемую «французскую минуту», т.е. протокол процесса на французском языке, а затем, вместе с ассессором Тома де Курселем, он составил уже латинскую версию протокола в нескольких экземплярах. Позднее, в 1456 г., Гильом Маншон вместе Гильомом Колем дал весьма интересные показания на процессе по реабилитации Жанны д'Арк. Если верить его словам, казнь девушки настолько потрясла его, что после этого он плакал, как никогда прежде. В течение месяца он не мог спокойно спать и потому на деньги, полученные за участие в процессе, купил требник, чтобы молиться за упокой души Жанны [4:II, 15].

Я привожу эти подробности, поскольку из разных источников следует, что Гильом Маншон был другом нашего хрониста, Пьера Кошона. Так, в «Нормандской хронике» Кошон упоминает, что после рабочего дня, проведённого в церковном суде, они вместе с Гильомом Маншоном посещали расположенную поблизости таверну «Ла-Пьер»³⁰, чтобы выпить по бокалу вина и побеседовать. В 1436 г. Гильом Маншон по-дружески уступил Пьеру Кошону место кюре в приходе Витфлёр – небольшом местечке, расположенном в 15-ти км к западу от Фонтэн-ле-Дёна [3:XIII]. Однако Кошон продолжил работать в церковном суде, а должность кюре за него, вероятно, исполнял какой-то викарий. Впрочем, уже вскоре Пьер Кошон добился переназначения в свой родной приход Фонтэн-ле-Дён, который, возможно, был

³⁰ В оригинале сказано «en l'hostel de la Pierre» [1:96r; 3:352]. По всей видимости, это была гостиница, внизу которой находилась таверна, куда заходили постояльцы и другие посетители.

доходнее, чем приход Витфлёра [3:XIII]. После 1442 г. имя Пьера Кошона больше не встречается в нотариальных актах, изданных церковным судом Руана. Это даёт основание полагать, что он ушёл с должности нотариуса, чтобы провести остаток жизни в Фонтэн-ле-Дёне, исполняя должность кюре. Он был жив ещё в 1449 г., поскольку в этом году от его имени была выплачена рента (19 су) в пользу капитула Руанского собора за дом, стоявший в Руане на углу малой площади Святого Марка [3:XV]. Однако в 1456 г. рента за этот дом была выплачена уже от имени младшего брата Пьера Кошона, Жака Кошона [3:XV]. Примечательно, что в том же 1456 году, своим указом от 31 мая архиепископ Руанский передал некоему мессире Симону-Александру доход от ставшей вакантной должности кюре в приходе Фонтэн-ле-Дён [3:XV-XVI]. Таким образом, можно сделать вывод, что Пьер Кошон скончался в начале 1456 г. Его друг и коллега, Гильом Маншон, не намного пережил его: он умер в декабре 1456 г., но перед этим, как уже сказано, успел дать показания на процессе по реабилитации Жанны д'Арк. Завершая эту краткую биографическую справку, можно добавить, что младший брат Пьера Кошона, Жак Кошон (ум. 1375), тоже сделал карьеру на службе у Церкви. Во второй половине 1430-х гг. он уже был апостольским нотариусом-священником в церковном суде Руана и членом братства Святого Марка, а позднее, в 1465 г., стал каноником руанского капитула³¹.

* * *

При рассмотрении заметок Пьера Кошона следует учитывать, что Руан находился под властью англичан целых тридцать лет – с 1419 по 1449 гг. Таким образом, последний раздел «Нормандской хроники» создавался Кошоном в условиях довольно жёсткого оккупационного режима, что, конечно, не могло не сказаться на содержании его записей. Подобно многим своим землякам, Кошон воспринял заключение договора в Труа

³¹ Подробнее о Жаке Кошоне см.: [3:XVI, XVII].

(1420), по условиям которого создавалась двуединая англо-французская монархия, как событие безрадостное, но дающее надежду на долгожданный мир – мир, столь необходимый разорённой стране. Нисколько не симпатизируя англичанам, хронист готов был терпеть их власть при условии, что они восстановят должный порядок, будут соблюдать старинные вольности Нормандии и привилегии её различных социальных групп – в первую очередь, конечно, духовенства, к которому относился сам Кошон. Правда, вскоре ему пришлось убедиться, что английская администрация не слишком склонна считаться с местными обычаями. Особенно его возмутили попытки новых властей Руана изменить ритуал проведения праздника Святого Романа и ограничить судебные полномочия архиепископа в 1425 г. [1:88v, 89v; 3:297, 298]. После этого записи Кошона становятся более редкими и осторожными. Так, он очень кратко упоминает о казнях, которым в 1427 г. подверглись руанские заговорщики, желавшие сдать город французам [1:90r; 3:298]. Своё мнение по этому поводу Кошон не высказывает.

Но вот весной 1429 года на исторической сцене появляется Жанна д'Арк и ведёт войска французов от успеха к успеху: с Орлеана снята осада, долина Луары освобождена от английских гарнизонов и дофин Карл коронован в Реймсе под именем Карла VII [1:90r-90v; 3:299-301] (**рис. 23**). Реакция Пьера Кошона на эти события очень хорошо передаёт воодушевление, которое распространилось среди населения оккупированной Нормандии. Хронист отзывается о Деве с явным уважением, отмечая, что победы французов лишили англичан былой самоуверенности: «Тогда англичан очень хорошо “оскопили” – пишет он, – лучше, чем когда-либо прежде случалось во Франции. И желали они вернуться в Англию, и оставили бы страну, если бы регент [герцог Бедфорд] им это позволил. И были тогда англичане столь обескуражены, что один француз мог обратить в бегство троих из них» [1:90r-90v; 3:300]. Характерно, что теперь Кошон даже решается один раз назвать Карла VII королём Франции [3:302], тем самым признавая за ним право на престол и, очевидно, счи-

тая его военные успехи проявлением суда Божьего. «И опасался всякий названного Карла, – пишет хронист. – И завоевал он за два месяца то, что англичане завоёвывали целых три года. И страшились [они] весьма эту Деву...» [1:90v; 3:301].

Однако затем следует рассказ о неудачной осаде Парижа войсками Карла VII в сентябре 1429 г. [1:92r; 3:306-307], после чего французское наступление пошло на спад. В самой Нормандии, где французы уже успели захватить ряд важных крепостей, было полностью восстановлено английское владычество: «И начали англичане, – не без сожаления замечает П. Кошон, – очень мощно захватывать то, что прежде потеряли, а французы – терять то, что отвоевали» [1:94r; 3:315] (**рис. 24**). Именно на фоне этих событий автор, от первого лица, даёт описание торжественного и пышного приёма, который в июле 1430 г. был оказан жителями Руана девятилетнему Генриху VI «королю Французскому и Английскому» [1:93v; 3:312-314]. Его привезли из Англии, чтобы срочно короновать в Париже и тем самым сгладить громкий пропагандистский эффект, произведённый миропомазанием Карла VII в Реймсе.

Доведя свой рассказ до летних событий 1430 г., Пьер Кошон внезапно останавливается на лицевой стороне листа 94-го [1:94r; 3:315]. После этого в его повествовании наблюдается трёхгодичный «провал». В частности, он полностью обходит молчанием судебный процесс Жанны д'Арк и её казнь, состоявшуюся в Руане 30 мая 1431 г. При всём том, нет никакого сомнения, что подробности этих событий были ему хорошо известны и не оставили его безучастным. Ведь он мог регулярно узнавать о ходе процесса от своих сослуживцев, Гильома Маншона и Гильома Коля. Более того, из документальных материалов процесса явствует, что Кошон один раз даже принял в нём личное участие, правда, только лишь как свидетель. 29 апреля 1431 г. коллегия руанских адвокатов вынесла письменное заключение о 12-ти обвинительных статьях, выдвинутых церковным трибуналом против Жанны д'Арк. Священник и нотариус

Пьер Кошон указан в этом документе в качестве одного из официальных свидетелей [4:1, 360].

Почему же Пьер Кошон ничего не сказал о процессе в «Нормандской хронике»? Думается, ответ лежит на поверхности. Вероятно, он не хотел кривить душой в своих записях, а честное изложение фактов могло стоить ему свободы и даже жизни в том случае, если бы «Нормандская хроника» оказалась в руках английских властей. Поэтому он предпочёл не писать ничего³². В пользу этого предположения свидетельствует последняя запись «Нормандской хроники», помеченная 1433 г. [1:94v-97r; 3:349-356] (**рис. 25**). Пьер Кошон рассказывает, как он и два его сослуживца угодили в тюрьму за то, что вольно или невольно помогли избежать ареста одному клирику, которого представители английской администрации пытались схватить в пределах церковного суда. «Я был тогда очень испуган, – признаётся Кошон, – и не без причины: времена-то были опасные!» [1:96v; 3:352]. Хотя он и его товарищи вскоре были выпущены из тюрьмы по ходатайству церковных властей, на них, тем не менее, лежало обвинение в противодействии королевскому правосудию. Хронист сетует, что, уклоняясь от явки в королевский суд, он был вынужден отсиживать дома, не ходил на службу и тем самым лишался жалованья [1:97r; 3:356] (**рис. 26**). На этом

³² Конечно, заманчиво было бы предположить, что Пьер Кошон всё-таки сделал запись о процессе Жанны д'Арк на 95-м листе (ныне отсутствующем в манускрипте), но потом спохватился и уничтожил этот лист из предосторожности. Однако данная гипотеза предполагает, что Кошон сделал запись о процессе, оставив пустой оборотную сторону листа 94-го [1:94v], а затем, уже удалив лист 95-й, стал описывать на оборотной стороне листа 94-го случай, произошедший в церковном суде Рауна летом 1433 года. Мне такая возможность представляется маловероятной, и я более склонен считать, что к тому времени, когда Пьер Кошон заполнял лицевую сторону листа 94-го [1:94r], лист 95-й уже был утрачен, или же он вообще никогда не существовал по причине того, что человек, выставлявший нумерацию (быть может, автор №1), сбился со счёта и после номера «94» поставил номер «96».

«Нормандская хроника» обрывается, но документальные источники позволяют заключить, что дело удалось «замять», и Пьер Кошон вышел из этой истории без серьёзного ущерба для себя. Напомню, что он благополучно проработал в церковном суде Руана, как минимум, до 1442 г. и даже заверил завещание герцога Джона Бедфорда в 1435 г., что вряд ли могло случиться, если бы он был на плохом счету у английской администрации.

* * *

Завершая этот беглый анализ манускрипта №5391, я считаю необходимым ещё раз акцентировать внимание на своих главных выводах и высказать некоторые соображения общего порядка.

Итак, наибольшая часть манускрипта, с листа 1-го по лицевую сторону листа 88-го [1:1r-88r], написана неизвестным автором, который, вероятно, родился в 1360 году и скончался в конце 1424 г.. Этот автор был уроженцем нормандской земли Ко и выходцем из простонародья. По своему сословному положению он относился к духовенству и почти наверняка имел сан священника. Большую часть своей жизни он провёл в городе Руане, где, скорее всего, исполнял должность нотариуса в архиепископском суде и в силу этого был членом братства Святого Марка. Его социально-политические воззрения были отмечены глубокой печатью нормандского партикуляризма и отличались ярко-выраженной оппозиционностью в отношении королевской династии Валуа. Это обусловило «пробургундский» (иначе говоря «бургиньонский») характер многих его заметок, которые были доведены им до событий осени 1424 г.

Заключительная и наименьшая часть манускрипта – с оборотной стороны листа 88-го по лицевую сторону листа 97-го [1:88r-97r] – была написана Пьером Кошоном, о котором достоверно известно, что он родился в городке Фонтэн-ле-Дён, в земле Ко. Он имел сан священника и, будучи членом братства Святого Марка, исполнял должность апостольского нотариуса в архиепископском суде Руана, как минимум, с 1425 по 1442 гг. Его исторические заметки, которые велись весьма нерегулярно, с

большими перерывами, охватывают временной период с 1425 по 1433 гг. Эти заметки проникнуты антианглийскими настроениями и содержат благожелательные, уважительные по смыслу высказывания о Карле VII, Жанне д'Арк и их сторонниках.

Почерки и стили письма двух этих авторов очень сильно различаются между собой. Первый автор писал довольно разборчивым *книжным курсивом*, а второй, Пьер Кошон, – трудночитаемой *нотариальной скорописью*. Кроме того, хотя лексические особенности их письменной речи имеют ряд общих черт, различия между ними тоже весьма существенны. Конечно, речь обоих авторов довольно груба и безыскусна, и оба они используют одинаковые словесные формулы-клише (например, когда хотят закончить рассказ о каком-нибудь событии и перейти к следующему). Однако это лексическое сходство легко объясняется устойчивой литературной традицией и общей культурной средой, в рамках которой они действовали. Между тем их индивидуальное различие состоит, прежде всего, в том, что первый автор обильно использовал в своей речи простонародные поговорки и присказки, тогда как Пьер Кошон практически обходился без них. Так, например, автор №1 целых пять раз, к месту и не к месту, приводит присказку: «Замыслы глупца редко исполняются»³³. В заметках же Пьера Кошона мы не встретим ни этой присказки, ни каких-либо других. Правда, его речь не становится от этого менее живой и эмоциональной, поскольку он нередко использует яркие метафоры и любит вернуть в свой рассказ «крепкое словцо»³⁴.

Вероятно, из политической предосторожности автор №1 не стремился обеспечить своим историческим запискам широкую известность и не делал с них никаких копий. Думается,

³³ «De ce que fol pense souvent remaint» [1:28v, 46v, 56r, 59r, 76v; 3:23, 112, 158, 172, 240]. Вероятно, эту присказку автор №1 позаимствовал из «Рассказов реймского менестреля». См.: [5:36].

³⁴ Так, пересказывая обвинения, выдвинутые против него в королевском суде, Пьер Кошон возмущенно восклицает: «Если занести в эту книгу весь слюнявый вздор, содержащийся в обвинении (toute la bave qui fu plaidie), она вся была бы им заполнена!» [1:96v; 3:354].

именно поэтому его рукопись и сохранилась в единственном черновом варианте. Однако автор №1 вряд ли держал в тайне от собратьев-нотариусов свои историографические занятия. Нельзя исключать, что он, уже чувствуя приближение смерти, завещал свою рукопись Пьеру Кошону, который был его земляком и сослуживцем (а быть может, даже учеником и родственником), с условием, что он продолжит записи. Возможно также, что смерть автора №1 наступила скоропостижно, и он не успел выразить свою последнюю волю. В этом случае члены братства Святого Марка могли по дружному решению передать рукопись Пьеру Кошону, чтобы он продолжил записи в меру своих сил и способностей. Однако Пьер Кошон либо слишком уставал на службе, либо у него не лежала душа к труду историографа, либо он считал это занятие небезопасным – все эти факторы могли иметь место. Поэтому Пьер Кошон вёл свои записи лишь время от времени, урывками, и в итоге совсем их забросил, о чём нам остаётся лишь сожалеть.

В связи с вышеизложенным можно задаться вопросом: если оба автора принадлежали к одной и той же профессиональной корпорации и исполняли должность нотариуса в церковном суде Руана, почему их стили письма столь сильно различались между собой? Ведь подобный род деятельности имеет общие, довольно строгие правила и предполагает определённое сходство стилей письма. Должен признаться, что у меня нет готового ответа на этот вопрос, и я вынужден ограничиться лишь общими рассуждениями. Я полагаю, что автор №1 и Пьер Кошон относились к разным поколениям апостольских нотариусов, и их разделяла примерно тридцатилетняя разница в возрасте. Как известно, в любом грамотном людском сообществе стили письма периодически меняются. Похоже, что Пьер Кошон относился к младшему поколению нотариусов, усвоившему новый стиль письма, а его старший современник, автор №1, «по старинке» писал так, как его научили ещё в ранней юности, примерно в 70-е годы XIV века. В любом случае, для того чтобы подтвердить или опровергнуть это предположение, необходимо провести

большую исследовательскую работу в архивах Нормандии и сравнить стили письма, которые практиковались нотариусами Руана в течение одного столетия: с середины XIV в. до середины XV в. Вполне возможно, что в ходе такого исследования нотариальных актов удалось бы установить и настоящее имя автора №1. Учёный, который пожелает вести поиск в этом направлении, должен будет выяснить, не скончался ли кто-нибудь из руанских нотариусов в 1424 г., и в случае положительного результата сравнить стиль письма этого нотариуса со стилем письма автора №1. В конце концов, если предложенная мною гипотеза получит научное подтверждение, манускрипт №5391, более известный под названием «Нормандская хроника Пьера Кошона», можно будет переименовать. Подходящее название видится мне таким: «Записки братства Святого Марка».

* * *

В заключение я кратко рассмотрю вопрос о том, как манускрипт №5391 вводился в научный оборот и почему французские историки-архивисты допустили ошибку в определении его авторства.

Первым учёным, который обратил пристальное внимание на этот источник, стал Амабль Флоке (1797 – 1881), выпускник Школы хартий, специализировавшийся на истории средневековой Нормандии (**рис. 28**). К 1830 г. он выполнил рукописную копию манускрипта №5391, полностью транскрибировав его текст, а затем использовал некоторые его фрагменты в своих исследованиях, получивших высокую оценку у научного сообщества: «История привилегии Святого Ромена» (1833), «Исторический очерк о Палате Шахматной доски Нормандии» (1840) и «История Парламента Нормандии» (1843) [8; 9; 10]. Хотя по некоторым причинам Амабль Флоке не счёл возможным подготовить печатное издание источника, он, тем не менее, охотно предоставлял его рукописную копию для работы другим исто-

рикам³⁵. В их числе были Жюль Мишле и Адольф Шерюзль, которые использовали полученный материал в своих исторических трудах [6; 13]. В конце концов Амабль Флоке любезно подарил копию манускрипта Огюсту Валле де Виривилью (1815 – 1868), выпускнику Школы хартий, занимавшемуся преимущественно эпохой правления Карла VII (**рис. 29**).

В 1859 году Виривиль подготовил печатное издание так называемой «Хроники Девы», которая была написана в середине XV века руанским бальи Гильомом Кузино [2]. В качестве приложения к «Хронике девы» исследователь опубликовал обширные фрагменты из манускрипта №5391, используя при этом копию, подаренную Амаблем Флоке. Однако, судя по всему, никакой серьёзной сверки текста копии с текстом оригинала учёный не проводил (по крайней мере, в издании ничего об этом не сказано).

Огюст Валле де Виривиль стал первым исследователем, который дал относительно подробное кодикологическое описание манускрипта №5391 [2:356-362] и попытался определить его авторство. В своём предисловии он, основываясь лишь на внутренней критике источника и не привлекая никаких документальных свидетельств, сделал вывод, что весь манускрипт был написан рукой одного автора – Пьера Кошона [2:341-343, 356]. При этом исследователь считал, что первая дата пасхальной таблицы – 1360 г. – соответствует времени рождения Пьера Кошона [2:342]. Однако последнюю дату таблицы – 1424 г. – он, как ни странно, оставил без пояснений. Равным образом, Валле де Виривиль не заметил или не счёл нужным комментировать

³⁵ Следует упомянуть, что в рассматриваемый период другой видный историк-архивист Жюль Кишра (1814 – 1882) (**рис. 30**) подготовил пятитомное издание «*Procès de condamnation et de réhabilitation de Jeanne d'Arc, dite La Pucelle*». В качестве приложения к основным материалам учёный опубликовал выдержки из манускрипта №5391, которые имели прямое отношение к эпохее Жанны д'Арк [4:IV, 339-343]. Для этого он транскрибировал непосредственно текст оригинала, не прибегая к рукописной копии Амабля Флоке.

разницу между двумя стилями письма, которыми была написана основная и заключительная части манускрипта. Эта разница вообще никак не отмечена в его кодикологическом описании.

Как уже было сказано, именно Огюст Валле де Виривиль дал двум главным разделам манускрипта №5391 названия, впоследствии закрепившиеся за ними в научной литературе: «Руанская хроника» и «Нормандская хроника». Однако учёный опубликовал лишь те их фрагменты, которые охватывают период с 1403 г. (т.е. с рождения Карла VII) по 1433 г. Другим серьёзным недостатком издания стало то, что Виривиль произвольно перемешал тексты «Руанской» и «Нормандской» хроник, объединив их в одно повествование. Вследствие этого порой невозможно понять, где начинается одна хроника и заканчивается другая.

В конце своего предисловия учёный выражал надежду, что кто-нибудь возьмёт на себя труд подготовить полное научное издание хроники Пьера Кошона [2:355, п. 2]. И такой человек, действительно, вскоре нашёлся. Им стал ученик Валле де Виривилья, историк-архивист, выпускник Школы хартий, Шарль де Робийяр де Борепэр (1828 – 1908) (рис. 31). Получив в подарок от Виривилья копию манускрипта, выполненную ещё Амаблем Флоке, Борепэр, тем не менее, решил проделать этот труд заново и самостоятельно транскрибировал весь текст оригинала [3:XXXVIII]. Кроме того, он провёл изыскания в архиве департамента Приморской Сены и смог найти важные документальные источники, проливающие свет на жизненный путь Пьера Кошона.

В 1870 году Борепэр выпустил в свет издание, которое называлось «Нормандская хроника Пьера Кошона, апостольского нотариуса в Руане» [3]. В этом издании главные разделы манускрипта №5391 были опубликованы уже полностью, но под теми же названиями, которые им дал Валле де Виривиль: «Нормандская хроника» и «Руанская хроника». Правда, при этом Борепэр допустил некоторую вольность, граничащую с произволом. Хотя в оригинальном тексте «Руанская хроника» предшествует «Нормандской хронике», Борепэр поменял их местами. Мало того, он «отрезал» от «Нормандской хроники» её заклю-

чительный раздел (рассказ Пьера Кошона о том, как он угодил в тюрьму) и присоединил его к концу «Руанской хроники». Свои действия исследователь объясняет так: ему показалось, что по своему содержанию этот раздел манускрипта более соответствует «Руанской хронике» [3:XXXVII]. В результате в издании Борепэра структура источника и его логические связи оказались очень сильно нарушены. Это следует учитывать всем, кто использует издание Борепэра в научной работе.

В своём предисловии Борепэр лишь слегка дополняет кодикологическое описание, данное Валле де Виривилем. При этом он тоже полностью игнорирует разницу между двумя стилями письма, которые, на мой взгляд, явно прослеживаются в манускрипте. С его точки зрения, весь манускрипт, за исключением приписок XVI в., был написан одним автором, Пьером Кошоном. Правда, исследователь всё-таки вынужден заметить, что только к концу манускрипта почерк автора приобретает сходство с тем почерком, которым были написаны сохранившиеся нотариальные акты Пьера Кошона [3:XXXIII]. Однако это обстоятельство не получает у Борепэра никаких объяснений и не побуждает его к пересмотру концепции, выдвинутой ещё его учителем, Валле де Виривилем. Борепэр берёт на себя смелость не согласиться с Виривилем лишь в одном существенном пункте. Поскольку благодаря документальным свидетельствам, рассуждает он, удалось установить, что Пьер Кошон скончался не ранее 1456 г., то первая дата пасхальной таблицы (1360 г.) никак не может служить указанием на время его рождения: срок жизни Кошона получается слишком большим; а кроме того, другие косвенные данные говорят о том, что он родился примерно в 1390 г.³⁶ Однако дальше подобных рассуждений Борепэр не идёт, и совпадение последней даты пасхальной таблицы с последними датами «Руанской хроники» и той части «Нормандской хроники», которая написана

³⁶ Кроме того, из одного документального источника известно, что отец Пьера Кошона, Жан Кошон, был жив ещё в 1447 г. Если бы Пьер Кошон родился в 1360 г., то его отцу в 1447 г. было бы не менее ста лет отроду. Подробнее см.: [3:XI-XII].

книжным курсивом, нисколько не привлекает его внимания. Его главный вывод полностью согласуется с выводом Виривилия: автор всего манускрипта – Пьер Кошон.

В целом приходится с сожалением констатировать, что выводы, сделанные Виривилем и Бореппэром, негативно сказались на дальнейшем изучении манускрипта №5391. Доверяя научному авторитету двух известных учёных, все последующие исследователи пользовались их печатными изданиями и не считали нужным подвергнуть оригинал рукописи дополнительному палеографическому, графологическому и текстологическому анализу. До сих пор не предпринималось никаких попыток подготовить новое издание источника, соответствующее строгим критериям современной научной критики.

Однако встаёт вопрос, почему такие опытные архивисты-палеографы, какими, несомненно, являлись Виривиль и Бореппэр, смогли не заметить очевидную разницу между двумя письменными стилями, представленными в источнике – *книжным курсивом* и *нотариальной скорописью*? Я рискну предположить, что в данном случае мы имеем дело с подгонкой – скорее неосознанной, чем умышленной – материалов источника под определённую историческую концепцию, в основе которой лежал французский национальный патриотизм XIX столетия. То есть, в конечном счёте, причины ошибки относятся к сфере идеологии. Виривилию и Бореппэру было очень важно показать, что политические взгляды автора манускрипта в течение нескольких десятилетий претерпели серьёзную эволюцию под влиянием бурных событий, катастрофических для французской монархии. Сначала автор был убеждённым противником сильной центральной власти. Ратуя за сохранение старинных нормандских вольностей и за ограничение королевской власти с помощью органов сословного представительства, он закономерным образом пополнил ряды сторонников герцога Бургундского Жана Бесстрашного. Однако затем ему пришлось убедиться, что политический радикализм, олицетворяемый герцогом, ведёт к кровавой гражданской смуте и утрате государ-

ственного суверенитета. Горькое отрезвление, наступившее в результате оккупации Нормандии англичанами, заставило автора осознать приоритет общегосударственных и общенациональных интересов над частными, узко-сословными и региональными. Именно поэтому он с воодушевлением и надеждой воспринял известия о победах, одержанных французами под руководством Жанны д'Арк, и о последовавшей затем коронации Карла VII, которая ознаменовала восстановление государственного суверенитета Франции. Таким образом, бывший завзятый «бургиньон», сурово критиковавший политику династии Валуа, в конце концов одумался и встал на путь исправления [2:350-353; 3:XXVIII-XXX].

Такова общая идейная концепция, национально-патриотическая по своему духу, под которую учёные вольно или невольно пытались подвести весь материал манускрипта №5391. Разумеется, в случае разделения этого материала между двумя разными авторами, предложенная концепция выглядела бы уже не так убедительно и поучительно. Вероятно, поэтому Виривиль и Бореппэр предпочитали не замечать «неудобных» фактов, которые помешали бы им приписать авторство манускрипта одному человеку – Пьеру Кошону. По крайней мере, на данном этапе исследования наиболее правдоподобное объяснение представляется мне таким. Рассмотрение же других гипотез увело бы меня слишком далеко в сторону от заявленной темы статьи.

Литература

Источники

1. Манускрипт №5391, хранящийся в фондах Национальной библиотеки Франции (MS Fr. 5391). Электронный адрес размещения чёрно-белой цифровой фотокопии: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b90606624.r=Pierre%20Cochon?rk=85837;2> (просмотрено 29.11.2017).
2. *Chronique de la Pucelle ou chronique de Cousinot suivi de la Chronique normande de Pierre Cochon* / Publ. par Auguste Vallet de Viriville. Paris, 1859.

3. *Chronique normande de Pierre Cochon, notaire apostolique à Rouen* / Publ. par Charles de Robillard de Beaurepaire. Rouen, 1870.
4. *Procès de condamnation et de réhabilitation de Jeanne d'Arc, dite La Pucelle* / Publ. par Jules Quicherat. Paris, 1840-1849. T. I - V.
5. *Récits d'un ménestrel de Reims* / Publ. par Natalis de Wailly. SHF. Paris, 1876.

Исследования

6. *Chéruef, Adolphe*. 1840: Histoire de Rouen sous la domination anglaise au XVe siècle. Rouen.
7. *Derolez, Albert*. 2006: The Palaeography of Gothic Manuscript Books. From the Twelfth to the Early Sixteenth Century. Cambridge University Press.
8. *Floquet, Amable*. 1833: Histoire du privilège de Saint-Romain. Rouen. 2 vol.
9. *Idem*. 1840: Essai Historique sur l'Eschiquier de Normandie. Rouen.
10. *Idem*. 1840-1843: Histoire du Parlement de Normandie. Rouen. 7 vol.
11. *Henrard, Nadine*. 1999: Des «Récits du ménestrel de Reims» à la «Chronique normande» de Pierre Cochon. Un progrès dans l'écriture de l'histoire? // Les lettres romanes. Tome LIII – №1-2. Université Catholique de Louvain. P. 3–12.
12. *Lardin, Philippe*. 2011: Pierre Cochon, un normand «bourguignon» de la première moitié du XVe siècle // Texte et Contexte. Littérature et Histoire de l'Europe médiévale. Éd. Marie-Françoise Alamichel et Robert Braid. Paris, Houdiard. P. 397–408.
13. *Michelet, Jules*. 1840: Histoire de France. T. IV [le règne de Charles VI]. Paris.
14. *Neveux, François*. 2008: La Normandie pendant la guerre de Cent Ans (XIVe – XVe siècle).
15. *Periaux, Nicéas*. 1870: Dictionnaire indicateur et historique des rues et places de Rouen. Revue de ses monuments et de ses établissements publics. Rouen.